

Где мое сердце?

книга вторая

16+

ЕЛЕНА
ЧУМАКОВА

РОМАН

ЕЛЕНА

**ТАМ, где поют
СОЛОВЬИ**

Елена Чумакова
Там, где поют соловьи. Книга
вторая. Где мое сердце?

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66801468
SelfPub; 2022*

Аннотация

«Нам не дано предугадать»... Агата не могла предвидеть, какие трагические события готовит двадцатый век для России, как ее побег изменит судьбу дочери Стеллы. История семьи Крутихиных, переплетение судеб героев, уже знакомых читателю по первой книге «Где мое место?», и новых персонажей продолжаются во второй книге романа. Сложные семейные взаимоотношения еще больше запутывает война. Стелле тоже предстоит сделать свой выбор. Что для нее окажется самым важным в жизни?

Содержание

Глава 1. Рыжая Фря	5
Глава 2. Самостоятельная жизнь	18
Глава 3. Неожиданная дружба	34
Глава 4. Студентка	50
Глава 5. Соловьи в городе	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Елена Чумакова

Там, где поют соловьи.

Книга вторая.

Где мое сердце?

Глава 1. Рыжая Фря

1918 – 1920 года, Петроград.

Белеющая в сумерках каменистая тропинка привела к башне, когда-то служившей маяком. Невидимые во тьме волны бились о скалистый берег далеко внизу, под обрывом. Под крышей башни одиноко светилося окно. Свет был мягким, теплым. Стелла знала, что там ждет ее мама. На столе, покрытом вышитой скатертью, под уютным абажуром блестит горячими боками самовар, в плетеной корзинке горкой лежат маковые бублики, и кровать манит мягкими подушками. Девочка пошла вдоль стены, касаясь ладонью исхлестанных солеными ветрами камней, пока не дошла до приоткрытой двери. От времени дверь осела на проржавевших петлях и с трудом поддалась детским рукам. Образовавшейся щели хватило, чтобы протиснуться внутрь.

Стелла оказалась в темном сыром пространстве, словно на дне колодца. Вдоль стен спиралью поднималась винтовая лестница – просто истертые за многие годы каменные ступени без какого-либо ограждения. Девочке стало страшно – как подниматься? Дверь так высоко... Стелла видела свет, пробивающийся в щель по краю дверного проема. Она

вздохнула и шагнула на первую ступеньку, вторую, третью... Все внимание сосредоточилось на том, куда поставить ногу, за что зацепиться на стене. Ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой, и еще одна, и еще... Вдруг над ее головой раздался шорох, писк. Потревоженные ею летучие мыши заметались, задевая крыльями волосы, цепляя пряди коготками. Стелла чуть не потеряла равновесие, нечаянноглянула вниз. Боже, как высоко она успела подняться! Дно башни-колодца терялось во мгле. У девочки закружилась голова. Она вцепилась в выступ камня, распластавшись по стене, не в силах сделать шаг вверх или вниз; стояла так, пока голова перестала кружиться и дыхание выровнялось. А цель – вот она, до нее остался всего один виток лестницы. Стелла осторожно, медленно пошла дальше. Дошла. Узкая площадка, медная дверная ручка – только руку протянуть. И тут девочка с ужасом поняла, что дверь открывается в ее сторону, распахнет – и неизбежно сорвется вниз! Где же мама?! Почему не приходит на помощь? Слышится шепоток... смешок... Луч света ширится...

Стелла вынырнула из мучительного сна и увидела над собой ухмыляющиеся лица своих врагов: Мазы, Гашеного и Малого. Она дернулась, чтобы вскочить, и тут же вскрикнула от боли, опрокинулась назад, схватившись за голову. Все ее волосы, прядь за прядью, были привязаны к прутьям железной койки. Мальчишки захихикали, толкая друг друга локтями. Визжать или кричать, как обычно защищаются дев-

чонки, Стелла не умела, в критические моменты у нее перехватывало горло. Ее оружием были ногти, она и стригла их заостренно. Быстрое движение – и лицо Мазы украсили три багровых полосы. Он вскрикнул, замахнулся кулаком. А вокруг уже поднялась суматоха – проснулись соседки по девчачьей спальне. Распахнулась дверь, в проеме возникла до-родная фигура Простокваши – дежурной воспитательницы. Пока она шарила по стене в поисках выключателя, мальчишки прошмыгнули мимо нее и улепетнули вдоль коридора на лестницу.

– Стойте! – кричала им вслед Простокваша, – Гашев, Мазуров, Федотов! Я вас узнала! Утром к директору!

Но в ответ только топот ног на лестнице.

Прасковья Казимировна, воспитательница детского дома по прозвищу Простокваша, взялась распутывать волосы Стеллы. Некоторые пряди пришлось остричь.

– И чего они к тебе привязались, паршивцы? – ворчала она. – Чем ты им досадила? Уж который раз пакостят! Ну ладно, не реви. Утром к директору пойдем. Они свое получат.

Вскоре в спальне все стихло. Воспитательница ушла, погасив свет и плотно прикрыв дверь. Девочки утомонились и заснули. Только Стелла уснуть не могла. Вытерев злые слезы, она завернулась в одеяло и, прихватив подушку, взобралась на широкий подоконник, засунула подушку между холодным стеклом и собственным худеньким боком, задернула

портьеру и осталась наедине с миром за окном.

Сидеть на подоконнике и наблюдать за тем, что происходило извне, было ее любимым занятием еще в те времена, когда они с мамой и няней Нафисой жили в доходном доме на Выборгской улице. Стелла стаскивала все подушки и одеяла с кровати, устраивала себе мягкое гнездо за шторой и наблюдала за всем, что происходило во дворе, на улице. От печки-буржуйки, установленной рядом, шло тепло. Их окно на третьем этаже выходило как раз на аллею, ведущую через скверик от парадного до кирпичной арки в решетчатом чугунном заборе. Все, кто входил во двор или выходил из двора, были у девочки как на ладонке. Стелла караулила тот момент, когда из-за угла противоположного дома показывалась мама. Она переходила улицу наискосок, минуя арку, шла по аллее к дому. Тогда Стелла с криком: «Мама пришла!» соскакивала с подоконника и бежала в коридор к входной двери. В сумке мама приносила судок с больничной кашей или с макаронами. Иногда там оказывались даже котлетка или кусочек рыбки для дочки, это уж как повезет.

Няня Нафиса спешила с кухни с кипятком, доставала из буфета посуду, и они ужинали, слушая рассказы мамы о событиях дня, делясь своими нехитрыми новостями. И это было самое счастливое время. Потом Стелла засыпала, прижавшись к теплоте маминому боку. Китайская ширма – единственный предмет роскоши, оставшийся от прежних жильцов, отгораживала их кровать от сундука, на котором спала

няня. Этот сундук заменял шкаф, в нем и на вешалке над ним хранились все вещи. Напротив кровати, у противоположной стены, стояли стол, покрытый клеенкой, два стула и буфет. На стене возле двери висело мутное от времени зеркало в растрескавшейся резной раме. Под ним – таз на табуретке. Вот и все убранство их жилища. Узкая как коридор комната производила удручающее впечатление, пока Агату не премировали в госпитале штукой цветастого ситца. Ткани хватило на шторы и покрывало для кровати. Из обрезков Нафиса смастерила абажур. Все остались без обнов, зато комната приобрела более обжитой, даже уютный вид.

Стелла смутно помнила другую квартиру – просторную, светлую, со множеством красивых вещей, игрушек. Помнила отца, его руки, его запах, голос, то ласковый, то сердитый. Помнила ощущение восторга и замирания сердца, когда он подхватывал ее, поднимал высоко над полом, подбрасывал в воздух, а потом прижимал к своей груди. А еще – как, сидя на папиных руках, тихонько дергала рыжие курчавые волоски, выглядывающие в расстегнутый ворот рубашки. Помнила веселую возню по вечерам на диване и сердитый голос мамы: «Лео, перестань! Ее же теперь не уложить спать!». А потом отец исчез, как исчезла из их жизни та квартира вместе с игрушками. И они оказались в этой комнате большой многонаселенной квартиры в доме на Выборгской стороне.

Соседей было много. За стенкой жили две девочки, Танька и Светка. Таня была старше Стеллы и не очень-то с ней

водилась, а с младшей, Светой, они неплохо ладили. Кроме мамы Капитолины, громкоголосой, разбитной женщины, с ними проживал молодой парень Яшка, которого девочки называли отчимом и тихо ненавидели. Яков был мастеровитый, работающий, но выпивающий, из-за чего в соседней комнате часто вспыхивали шумные ссоры.

В следующей комнате жил настоящий оперный певец из Императорского театра. Точнее это он раньше, до революции, пел на сцене, а теперь работал гардеробщиком в пивной. Время от времени, как следует набравшись, сосед выходил на общую кухню и начинал петь арию за арией. Стелла удивлялась, как в его тщедушном теле помещается столько голоса! От его раскатистого баса дребезжали стекла в окнах. На просьбы соседей прекратить шум, певец только прибавлял громкость. Слушался он одного человека – свою жену Марию. Она знала, в какой момент выйти на кухню и увести разошедшегося супруга в комнату, сплошь увешанную афишами с его именем – Альберт Венгеров. Удивительно, но там воцарялась тишина.

Помещение рядом с кухней занимала старушка Прохорова. Она единственная жила здесь еще с тех времен, когда всю эту квартиру занимала семья императорского конюха. Прохорова была у них кухаркой. Революция вымела из теплых квартир всех царских слуг, а она так и существовала все в той же комнате для прислуги. С ней поселились племянник, деревенский парень, приехавший в Петроград на заработки,

и его невеста Сонька, прибывшая вслед за женихом в столичный город. Как уж они размещались в маленькой комнатухе – и представить сложно.

Еще дальше, в самом конце коридора, жил одинокий профессор, самый настоящий – седой, в круглых очках, с усами и аккуратной бородкой. Стелла видела мельком в приоткрытую дверь, что вся его комната заполнена книгами, стол и подоконник заставлены мудреными приборами, какими-то склянками. Стелле сосед казался загадочным и даже опасным. Чем он занимался в своей комнате за плотно закрытой дверью, никто не знал. Подружки Танька и Светка уверяли Стеллу, что профессор умеет превращаться в черного кота, и в таком виде гуляет по двору, караулит в парадном одиноких жильцов, гипнотизирует и пьет их кровь. Мама Агата смеялась над такими рассказами, говорила, что это досужие выдумки. Стелла верила маме больше, чем подружкам, но по вечерам в одиночку ходить в туалет, расположенный в конце коридора, рядом с комнатой профессора, побаивалась.

За стенами дома происходили войны и революции, грабежи и аресты, а в квартире уклад жизни не менялся, люди сосуществовали мирно, каждый сам по себе в своей комнате-норке.

Однажды вечером мама из госпиталя не пришла. Стелла ждала ее на своем наблюдательном пункте, пока за окном совсем не стемнело.

– Наверное, много больных, осталась на дежурство. Зав-

тра придет, – сказала Нафиса, укладывая девочку спать.

Но и на следующий день Агата не вернулась. На третий день няня со своей подопечной отправились в госпиталь. Вход на территорию был перегорожен шлагбаумом, на котором трепыхался листок с надписью «Стой! Карантин!». Солдатик, дежуривший в полосатой будке, замахал руками:

– Куды претесь? Проход закрыт. Тиф здесья.

– Мы маму ищем, – умоляюще смотрела на постового Стелла.

– Врача Свободову, – пояснила Нафиса, – работает она здесь, в госпитале.

– Не знаю такую, много их. Велено никого не пущать. Ждите. Может, кто из персонала пойдет, спросите.

Ждать под морозящим дождем пришлось довольно долго, пока выходявший с территории госпиталя мужчина сообщил, что врач Свободова сама заразилась и лежит в тифозной палате.

К вечеру у Стеллы поднялась температура. Болела она тяжело, много дней. А когда пошла на поправку, узнала, что мама не придет больше никогда.

– Обе мы с тобой теперь сиротки, – сказала Нафиса, обнимая Стеллу. – Наши мамы вместе смотрят на нас с небес. А нам как-то надо жить дальше.

Соседка Капитолина помогла Нафисе устроиться на работу. Стелла оставалась одна на целый день и так же, как прежде, вечерами сидела на подоконнике. Ждала няню, а

мечтала, что вот-вот из-за угла дома напротив выйдет мама.

А потом в их комнате появился Федор – большой, шумный, в тельняшке, плотно натянутой на широкой груди. Стелла невзлюбила его сразу, после первой фразы в ее адрес: «А это что за шмакодявка?»

– Ну вот, – подначивала ее Танька, – теперь узнаешь, что такое отчим. Хотя он тебе даже не отчим. Нафиса ведь тебе никто, значит и он никто. Выгонят тебя на улицу, как кошку!

Все в жизни девочки поменялось. Мамину постель заняли Федор с Нафисой, а Стелла спала на жестком сундуке и с непривычки часто падала с него.

– Терпи, – говорила Нафиса, – видишь, Федор нам продукты приносит, без него мы пропадем. А у него спецпак!

И Стелла терпела. Часто сидела на кухне, когда Нафиса выставляла ее из комнаты с наказом «не возвращаться, пока не позовут». Она забивалась в уголок широкого подоконника и наблюдала за жизнью двора с другой стороны дома.

Но недолго няня ходила радостная и довольная. Однажды Стелла застала такую картину: пьяный Федор, схватив Нафису за косы, бил ее по лицу. Стелла кошкой прыгнула на его руку и вцепилась в нее ногтями, зубами. Федор взвыл, отшвырнул девочку и, наверное, прибил бы, если бы не прибежавшие на крики соседи. Племянник Прохоровны вместе с Яшкой скрутили буяна, дав возможность Нафисе и Стелле выбежать из квартиры.

В парадном было холодно. Беглянки сидели обнявшись на

заплеванном шелухой подоконнике, кутаясь вдвоем в прихваченную няней шаль. На улице быстро темнело, и парадное погружалось в сумерки. Нафиса тихонько плакала, вытирая сочащуюся из разбитой губы кровь.

– Выгоню! Вот увидишь, завтра же выгоню этого Федора! Проживем и без него, – уверяла она то ли Стеллу, то ли саму себя.

Девочка прижималась к ее мягкому боку и тихонько гладила руку. Из темноты возник черный кот, бесшумной тенью скользнул вверх по лестнице и уселся на ступеньке, уставившись желтыми глазами на людей. У Стеллы от страха сердце сжалось в комочек. Она не знала, кого бояться больше: пьяного Федора или оборотня-профессора. Что это он и есть в обличии кота, девочка не сомневалась. Она соскользнула с подоконника, потянула за руку няню:

– Пойдем... Пойдем домой скорее, я боюсь... я замерзла. Не сводя глаз с кота, спиной к стене, дошла до двери и юркнула в квартиру. Кот чихнул и продолжил путь наверх.

Федор, как был – в тужурке и в грязных сапогах – спал поперек чистой постели. Кровь из прокушенной Стеллой руки перемазала покрывало. Нафиса, утирая злые слезы, стянула с него сапоги, приговаривая: «Выгоню паразита! Завтра же выгоню!». Потом взялась промывать и перевязывать рану.

На следующий день Федор никуда не делся, а явился с вещмешком, наполненным продуктами. Выложил на стол и хлеб, и сало, и даже кусок сахарной головки. А еще два дня

спустя Нафиса за руку отвела Стеллу в приют для детей-сирот.

– Ты на меня обиды не держи, деточка, – говорила она, отводя взгляд. – Тебе здесь будет лучше – и сыта, и одета, а главное, учиться будешь! В школу тебе пора ходить, девятый год идет. А со мной что? Я тебе ведь никто, чужая тетка. И денег за тебя мне теперь никто не платит. А мне свою жизнь устраивать надо. Замуж пора, своих деток хочу. Сиротки мы с тобой, каждой надо самой о себе заботиться... А я тебя навещать буду, гостинцы приносить...

Стелла молчала. Понимала, что ее слова сейчас ничего не значат и ничего не изменят. На прощанье крепко обняла няню, зарывшись лицом в мягкую, пахнущую домом грудь.

Так началась ее жизнь в приюте. С тех пор Стелла больше Нафису не видела. Лишь однажды, перед Рождеством, ей передали открыточку – красивую картинку с поздравлением. В ней бывшая няня упомянула о гостинцах, но они до девочки так и не дошли. Эту открытку Стелла хранила под матрасом и часто рассматривала, перечитывала заученные наизусть слова.

Прошло два года. Все дни казались ей серыми. У нее не появилось ни одной подружки или друга. В силу характера Стелла держалась особняком, не умела быть открытой, простой, прослыла гордячкой, за что и получила прозвище Рыжая Фря. Особенно доставалось ей от компании пацанов – бывших беспризорников Мазы, Гашеного и Малого. Поче-

му именно эту рыжеволосую девочку выбрали они объектом для своих злых забав, мальчишки и сами не могли бы объяснить. Возможно, она слишком выделялась своими медовыми кудрями, раздражала независимым поведением, нежеланием бояться и подчиняться. На самом деле девочка их отчаянно боялась, но что-то внутри нее не позволяло это показывать.

Стелла сидела на холодном подоконнике, перебирая в мыслях свои обиды. Доставалось ей постоянно, но сегодняшняя выходка была особенно жестокой. А чего ей дальше ждать? Расцарапанное лицо Маза ей точно не простит. И заступиться за нее некому, и деваться некуда... Хотя... почему же некуда? У нее ведь есть родня. Далеко – в Уфе и в Бирске – живут тетки, двоюродные братья и сестры. Стелла помнила, как мама возила ее, маленькую, в гости к родственникам. Это была такая замечательная поездка! Ее там баловали, угощали, одаривали подарками. А как весело они играли в парке с сестрами! А Ваня, старший брат, кружил ее на большой подушке, и она визжала от страха и восторга. Вот бы так там и остаться навсегда! Мама обещала, что они обязательно съездят в Бирск еще, но этому не суждено было случиться. Зато она не раз говорила: «Запомни, дочка, мы с тобой не одни, у нас есть семья! Заучи их адрес наизусть». Адрес Стелла помнила и сейчас, вот только как туда добраться – не знала. Однажды, в голодные дни их сиротства, она просила Нафису:

– Давай уедем в Бирск! Там так хорошо и сытно! Там меня

любят.

— Где ж взять столько денег на дорогу? Да и поезда теперь почти не ходят, как доберемся-то? Кругом воюют... — вздохнула няня. — И потом, это тебя там любят, а меня никто не ждет. Здесь, в Питере, хоть комната есть, а там мне жить негде и делать нечего.

Стелла смотрела на желтое пятно света от уличного фонаря, пляшущее по грязному заезженному снегу на безлюдной улице. В домах напротив светились редкие огоньки. Она пыталась представить, что сейчас делают люди за тем окном? А за этим? Там, наверное, живут счастливые дети, у которых есть мамы и папы... Как говорила Нафиса? «Сиротки мы с тобой, каждой надо самой о себе заботиться». Правильно. Она уже большая, десять лет! Сможет сама о себе позаботиться! И нечего надеяться, что кто-то ее отвезет к семье. Сама доберется! Что с того, что дороги не знает? Язык до Киева доведет. Бежать ей надо из этого приюта, не дожидаясь мести Мазы. Бежать и добираться до Уфы. Главное — попасть на вокзал, а там сообразит, как действовать.

На душе у девочки стало легко. Она слезла с подоконника и через пять минут уже спокойно спала, завернувшись в байковое одеяло.

Глава 2. Самостоятельная жизнь

Январь – май 1921 года, Петроград.

Сбежать из детского дома оказалось совсем несложно. После уроков, когда группа детдомовцев под присмотром Простокваши возвращалась из школы, Стелла замешкалась, якобы завязывая шнурок ботинка, а потом юркнула в подворотню, выбежала на соседнюю улицу и отправилась в противоположную сторону. Гораздо сложнее оказалось добраться до Николаевского вокзала. Девочка, хоть и прожила в Питере всю свою маленькую жизнь, город знала плохо. Многие улицы в центре после революции переименовали, так что даже взрослые петербуржцы путались в названиях и не могли толком объяснить дорогу. Она совсем продрогла и проголодалась, когда, наконец, вошла под своды вокзального зала ожидания. Оглядевшись, направилась напрямик к кассе. Ввинтилась в толпу, пробралась между юбок, ног и мешков и, вынырнув возле окошка, обратилась к нервной кассирше:

– Тетенька, как мне, то есть нам, доехать до Уфы?

– А почему ты спрашиваешь? Где твои родители? – та подозрительно оглядела девочку.

– Мама вон там, вещи караулит. Меня послала спросить, –

Стелла ткнула пальцем в толпу.

– Напрямую до Уфы поезда не ходят. Покупайте билеты до Москвы, а уж там возьмете до Уфы. Но на сегодняшний поезд билетов уже нет, а когда будет следующий, не знаю. Нету исправных паровозов!

Есть билеты или нет, Стелле было безразлично, денег у нее все равно не было. Она рассчитывала на собственную ловкость, хитрость и удачу. Главное, узнала, на какой поезд надо попасть. Девочка устроилась на лавке в зале ожидания. Есть хотелось нестерпимо. Напротив Стеллы расположилась семья. Поставив один чемодан «на попа», они положили второй чемодан сверху и разложили на импровизированном столе свертки со снедью. В желудке у девочки заурчало, она с завистью наблюдала за жующими. Вдруг мимо нее, по проходу, пробежал мальчишка-беспризорник и схватил на ходу со «стола» один из пакетов. Поднялся крик. Кто-то подставил мальчишке подножку, и он кувыркнулся на пол. Украденный сверток улетел под лавку. Засвистел милицкий свисток. Воспользовавшись суматохой, Стелла нырнула под лавку, подняла то, что уронил беспризорник, сунула за пазуху. Она вылезла в соседний проход и спокойным шагом, стараясь не привлекать внимания, вышла на перрон. Устроилась на ящиках за какой-то будкой, развернула промасленную бумагу. В ней оказались несколько вареных картофелин. Насытившись, девочка повеселела, теперь она была готова к путешествию. Никаких угрызений совести из-за кражи она

не испытывала. Пока все шло удачно.

Вскоре к первой платформе в клубах дыма неспешно подползла громада паровоза, таща вереницу зеленых вагонов. Увидев табличку «Москва», Стелла пристроилась за полной дамой с внушительного размера чемоданом и попыталась незаметно проникнуть в вагон, но была схвачена бдительным кондуктором.

– Пустите! Я с мамой! Мама уже в вагоне! – девочка выворачивалась из цепких рук.

– Вот стой рядом и жди, когда мамка покажет твой билет.

Стелла сделала еще несколько безуспешных попыток проникнуть внутрь других вагонов. Тем временем суматоха на перроне улеглась, последние пассажиры занимали места. Кондукторы закрывали одну дверь за другой. Раздался свисток, поезд тронулся, мимо отчаявшейся девочки проплывали окна, за которыми люди располагались на полках, распахивали багаж. Вот и последний вагон – почтовый. На задней площадке никого. Не раздумывая, Стелла прыгнула на ступеньку, вскарабкалась как обезьянка и растянулась на железном полу, чтобы стать как можно незаметнее. Поезд набирал ход. Под стук колес проплыли склады, станционные строения, последние огни города, потянулись заснеженные, тающие во тьме леса. Вагон сильно болтало. Сидеть на ледяном полу не было никакой возможности, но беглянка обнаружила откидное деревянное сидение и умоглась, вцепившись в него замерзшими руками. Варезек у нее, конечно, и в по-

мине не было.

Далеко уехать Стелле не удалось, на первой же станции обходчик заметил и снял с поезда совершенно окоченевшую девочку. В отделении милиции ее отогрели, накормили и напоили горячим чаем. На все расспросы она отвечала одной фразой: «Мне нужно в Москву». Решено было отправить девочку обратно в Петроград, пусть там милиция разбирается. Утром, в сопровождении милиционера, беглянку привезли в товарном вагоне на тот же Николаевский вокзал и сдали в отделение милиции. Молоденький милиционер пытался разговаривать девочку, но Стелла упорно молчала. Ее держали в отделении, пока не выяснилось, из какого детприемника она сбежала. Доставить ребенка обратно поручили водителю попутного грузовика – не наряд же отправлять с малолеткой! Твердо решив в детдом не возвращаться, Стелла выжидала момент для побега. Она прижимала ладонь к заледеневшему стеклу машины и рассматривала в оттаявшее окошко проплывающие мимо незнакомые улицы.

Нынешний Петроград мало походил на некогда блестящий Петербург. Фасады домов с заколоченными досками опустевшими витринами магазинов облупились, словно обнищавшие старики. Из окон, частично тоже заколоченных фанерой или заткнутых тряпьем, торчали железные трубы печек-буржук. По тропинкам вдоль нечищенных тротуаров торопливо пробирались редкие прохожие – и не угадаешь по закутанным фигурам, мужчина это или женщина. Не видно

ни кошек, ни собак, ни голубей. Те, что уцелели, прятались от людей. Словно видение, проплывали редкие трамваи с заиндевевшими окнами и висящими на подножках пассажирами. Машин совсем мало, чаще это грузовики с солдатами. На ветру полоскались плохо закрепленные плакаты «Грудью на защиту Петрограда».

Дорогу перегородила поваленная набок телега. Рядом, посреди улицы, несколько солдат грелись возле костра. Водитель чертыхнулся и начал разворачивать машину. Грузовик завяз в сугробе, пришлось водителю выскочить из кабины. Стелла огляделась – а место-то знакомое! Она вспомнила дом с эркерами и башенками, здесь они гуляли с няней. Девочка приоткрыла дверь, выскользнула из кабины и нырнула в ближайшую подворотню, зайцем пробежала проходной двор, потом второй и оказалась на памятной ей улице. Вон впереди мамин госпиталь, полосатая будка КПП, шлагбаум. Стелла повеселела – судьба явно была на ее стороне.

Через несколько минут она уже стояла перед своим бывшим домом. На третьем этаже знакомое окно, а в нем все та же ситцевая занавеска.

Дверь открыла соседка, тетя Мария.

– Батюшки! Стеллочка! Откуда ты взялась? Ну, проходи, раз пришла. Только Нафиса-то здесь больше не живёт...

От соседей Стелла узнала, что ее бывшая няня вышла замуж. Не за Федора, а за директора продраспределителя, человека солидного, положительного, вдовца. И живет она те-

перь барыней в отдельной квартире на Петроградской стороне, а сюда заглядывает лишь изредка, проведать комнату. Выяснив, что в приют девочка возвращаться категорически не хочет, а решила жить здесь, собравшиеся на кухне соседи призадумались.

— А как мы можем возражать? — сказала Мария. — Комната эта была выделена Агате, как сотруднице госпиталя, Стелла ее дочь, а значит теперь законная жилища. Она, а вовсе не ее няня. Капитолина, открывай-ка комнату! Тебе ведь Нафиса ключ оставила.

С доводами Марии не согласились Капитолина и невестка Прохоровны Сонька. Обе имели виды на эту комнату. Особенно упрямылась первая:

— Не может десятилетний ребенок жить один, надо вернуть Стеллу в детский дом.

— А ты своих дочек отправила бы туда? — спросила Мария. — Ее мать жизнью поплатилась, спасая больных, а мы ее дочку в приют?

У Марии были свои резоны. Детей у них с мужем так и не случилось, а теперь надвигалась старость. Кто о них позаботится? Приголубит она сейчас девочку-сиротку, глядишь, та добром оплатит.

Капитолина напряженно соображала. Когда Нафиса съехала к мужу, Капа очень надеялась заполучить ее комнату. Дочки росли, жить вчетвером с ними и молодым мужем в одном помещении было неудобно. Соседка согласилась пу-

стить девочек, но за деньги, и цену назвала немаленькую. Денег было жаль. А теперь, если хозяйкой комнаты станет Стелла, то с девочкой договориться будет проще. Будут три подружки ночевать в одной комнате, вместе веселее, авось и платить меньше придется. А то и вовсе «за так» прокатит. Просто возьмется присматривать за сироткой... Капитолина решила поддержать Марию, принесла ключ и открыла комнату.

Недовольство высказала Сонька. Она была беременна и тоже надеялась заполучить освободившуюся жилплощадь, поскольку Прохоровна, несмотря на дряхлость, помирать ну никак не собиралась. Но Сонька осталась в меньшинстве, и ее уже никто не слушал. Решающим доводом стало высказывание профессора, что Нафиса в любой момент вольна сдать помещение посторонним людям, тогда всем придется мириться с новыми, неизвестно какими соседями, с толкотней на кухне и еще большей очередью в туалет по утрам. Возвращение Стеллы – гарантия, что этого не случится. Тут уж все согласились взять девочку под коллективную опеку.

Пока взрослые судили да рядили, Стелла осматривалась в своих владениях. Все в комнате было родное, все напоминало о маме: ее кофта на вешалке, стопка книг по медицине, вышитая ее руками подушка... За окном знакомая аллея. Тополя за два года стали еще выше. И так же загорается свет в окнах дома напротив, сгущая ранние зимние сумерки. Отопление в доме не работало, трубы полопались, печ-

ка-буржуйка, установленная в углу возле окна, была не топлена, от окна тянуло холодом. Девочку бил озноб. Закутавшись в мамину кофту, она улеглась в постель. В голове навязчиво крутилась колыбельная, которую ей напевала няня...

Мария с тарелкой горячей каши заглянула проведать Стеллу и обнаружила ту дрожащей под одеялом. Щеки у нее пылали, лоб горел.

– Батюшки, да у тебя жар! Вот не было у нас забот!

Стелла смотрела на цветастую занавеску, и ей казалось, что лежит она на лугу, среди полевых цветов. Солнце печет, но встать она не в силах. словно приковало ее к мерно подрагивающей земле. А подрагивает земля под копытами лошадей. Табун всё ближе, топот всё громче, земля ходит ходуном. Вот копыта замелькали вокруг, над головой. Сейчас растопчут! Но топот дальше... тише, тише...

Выныривая из бредового состояния, Стелла, словно в тумане, видела лица соседей, Нафисы, профессора, какого-то незнакомого дядечки с деревянным стетоскопом. Он прикладывал холодную воронку к ее спине, груди и озабочено качал головой:

– Двусторонняя сегментарная пневмония... Хрипы в нижних долях.

Потом профессор вливал ей в рот какую-то горькую микстуру, заставлял глотать пилюли, Нафиса поила овсяным киселем, отчего-то тоже казавшимся горьким, меняла мокрые рубашки и компресс, тетя Мария растирала грудь и спину

чем-то противным, жирным. И девочка снова проваливалась в жаркий туман.

Стелла не знала, сколько дней провела в таком состоянии. Сон прервал резкий звук клаксона, донесшийся с улицы. Она открыла глаза, огляделась. В печке тлели деревянные. Над столом склонились две головы, Таньки и Светки. В круге света от настольной лампы белели тетрадки, раскрытые учебники.

– Я хочу есть, – произнесла Стелла.

Девочки разом подняли головы:

– О, очнулась! Светка, беги за мамкой.

Танька захлопнула учебник, пересела на краешек кровати, взяла худую – кожа да кости – руку подружки:

– Ну, ты, мать, даешь! Напугала всех, а теперь, гляди-ка, улыбается!

Пришла Капитолина с чашкой горячего овсяного киселя. Стелла пила и чувствовала, как с каждым глотком возвращаются силы. Отдала пустую чашку со словами:

– Хлебушка хочу... горбушку с солью.

На следующий день объявилась Нафиса. Она плакала, обнимая цыплячьи плечи Стеллы, целуя в голубую жилку на виске.

– Исхудала-то как! Прозрачная прямо! Ну, это ничего, откормим, главное – живая. Бедная моя девочка!

Потом они сидели рядышком на постели, разговаривали.

– Ты на меня обиды не держи. Мне тогда совсем худо бы-

ло. Денег нет, продовольственная карточка на одного, кормить тебя не на что. За Федора держалась, надеялась, что замуж возьмет, а он потребовал тебя в приют отдать. А потом все равно бросил... Так оно и к лучшему обернулось. Хороший человек в жены взял, Амир Кадырович, директор спецмагазина. Уважаемый! Представляешь, в Петрограде своего встретила, башкира! У него первая жена русская была. Намучился бедняга с ней! А я-то знаю, как мужа уважить да чем накормить. Живем по нашим обычаям. Вот, – Нафиса показала на свой живот, – ребеночка скоро ему рожу. Уж так он меня любит, так балует! И дом у него – полная чаша.

– Нафиса, а что же ты ко мне в приют не приходила? Ведь обещала! Я ждала...

– Так потому и не приходила, что знала, что плакать будешь, домой проситься... А я, чего доброго, не выдержу, заберу. Сердце-то не камень. А куда? Амиру Кадыровичу чужой ребенок не нужен. Он бы тогда и замуж меня не взял. Я и сейчас не знаю, что с тобой делать, куда девать...

– Так ты меня к себе не заберешь?

– Говорю ж тебе, не могу. Амир Кадырович не разрешит.

– Ну, тогда я буду жить здесь, одна.

– Да как же одна-то? Тебе всего десять лет. Мала еще.

– Ничего, я сумею, научусь. Оставь меня здесь!

Нафиса задумалась.

– Может, и правда, справишься... Ты как мать твоя – упрямая, своевольная. Накормить, продукты с собой дать –

это я завсегда смогу, этого у нас довольно, Амир Кадырович и не заметит. А вот денежки тратить на тебя не смогу, за деньги муж отчет требует. Ну да ладно, что-нибудь придумаем... мир не без добрых людей. Только обещай, что в школу ходить будешь, учиться старательно.

– Обещаю! – Стелла бросилась на шею няне.

Так началась ее самостоятельная жизнь.

Крыши украсились бахромой сосулек, когда Стелла впервые после болезни вышла на улицу. На свежем воздухе кружилась голова, от вездесущего запаха корюшки сводило желудок. В сопровождении Таньки и Светки она шла в их школу.

Класс принял новенькую равнодушно.

– Знакомьтесь, дети, это Стелла... – учительница заглянула в журнал, – Стелла Гарсиа. Она будет учиться в нашем классе.

Кто-то из мальчишек присвистнул.

– Стелла... Памятник, в общем... кладбищенский, – негромко сказал высокий голубоглазый пацан с ежиком белобрысых волос. По классу пронесся смешок. Стелла и впрямь выглядела жалко: худая после болезни, в застиранной Танькиной блузке, из которой та выросла, в сползающей на бедра юбке того же происхождения и в маминой кофте с закатанными рукавами. В неумело заплетенных косичках вместо бантов – тесемочки.

Учительница постучала указкой по столу:

– Тишина в классе! Кашеев! Дома будешь упражняться в ослоумии.

Она указала новенькой свободное место за третьей партой, рядом с хорошенькой смуглолицей девочкой. Гладкие черные волосы незнакомки были разделены идеально ровным пробором и заплетены в две косы, украшенных атласными бантами.

– Мариванна! Я же с Ярошевой сижу! – запротестовала девочка.

– Фатова, я помню. Пока Ярошева болеет, с тобой будет сидеть новенькая, а там посмотрим.

Учительница подтолкнула Стеллу к указанному месту, еще раз предупреждая постукала указкой по столу и начала урок. Фатова взглянула на новенькую неприязненно, ото двинулась на край скамьи и переложила учебники на дальний конец парты. Стелла сидела как на иголках. На перемене она пересела на пустующую последнюю парту. Начав второй урок, учительница заметила это, но ничего не сказала. Так и обосновалась новенькая в одиночестве на камчатке.

На уроке математики Мариванна вызвала Стеллу к доске:

– Давай-ка, Гарсиа, проверим уровень твоей подготовки.

Новенькой предстояло решить длинный пример. Она начала, но скоро запуталась, не зная, что делать дальше.

– Она еще и тупая! – пренебрежительно сказал Кашеев. Девчонки захихикали.

Стелла положила мел и тихо сказала:

– Я не тупая. Просто много пропустила. Болела. Я догоню.
Учительница подошла, положила руку ей на плечо.

– «Неуд» пока ставить не буду. Но тебе нужна помощь.

Ребята, кто возьмется подтянуть новенькую по всем предметам?

Класс молчал.

– Не надо меня подтягивать, я сама. Мне только учебники нужны.

– А где же твои книги, по которым ты училась?

– Они остались в... потерялись.

– Ясно. Садись. Решим эту проблему.

На следующий день Мариванна принесла для новенькой самый настоящий портфель, немного потертый, но зато с блестящим металлическим замком, а главное, наполненный учебниками из школьной библиотеки. В портфеле также лежали карандаш, линейка и самодельные тетрадки, сшитые из каких-то ведомостей. На чистых сторонах бланков можно было писать.

– Вот, учись только. Конец года не за горами. Не нагонишь класс – останешься на второй год, – строго сказала учительница.

Стеллу распирало от радости, хотелось броситься на шею Мариванне, но она только сказала:

– Спасибо. Я нагоню. Обещаю.

Шли дни. После уроков Стелла шла не домой, а на трамвайную остановку. Ехать до набережной Карповки было

недалеко, всего три остановки, но дорога пролегла через мост, мимо складов – место пустынное, Нафиса давала мелочь на проезд и настаивала, чтобы девочка не ходила там одна. Ждать трамвай приходилось долго. Часто, не дождавшись, Стелла шла пешком, пристроившись за какой-нибудь женщиной и мысленно умоляя ее никуда не сворачивать.

Квартира, в которой теперь жила Нафиса, и впрямь напоминала уютное гнездышко: на окнах бархатные портьеры с бомбошками по краю, на столе тоже бархат, покрытый вышитой дорожкой, над столом абажур с бахромой, на стенах ковры – все дышало достатком, умиротворением. Располневшая Нафиса ходила среди этого великолепия с довольным видом кошки, которой повезло с хозяином.

Первым делом она кормила свою подопечную. Потом говорила, какая помощь нужна сегодня. Стелла мыла полы, выносила мусор, помогала трясти многочисленные половики, покрывала, салфетки, полоскала белье. Нафиса тоже без дела не сидела.

– Амир Кадырович любит, чтобы в доме было чисто, – приговаривала она.

Перед возвращением мужа с работы няня отправляла девочку домой.

– Иди, иди, кызым¹. Смеркается уже. У тебя еще уроки не сделаны, – напоминала она и совала Стелле в руки сверток с едой. – Вот тебе покушать на утро.

---

¹ Кызым – дочка (баш.)

Заботами Нафисы Стелла уже не напоминала доходягу. Щеки ее порозовели, руки и ноги больше не походили на лапки богомола, тело обрело ловкость и силу. Она быстро росла, догоняя Таньку, и это создавало новые проблемы – носить ей стало решительно нечего. Нафиса приспособила под детскую фигурку платья Агаты, что-то подрезала, что-то подвернула, где-то заколола – особенно не старалась. Ну и пусть великовато, ребенок растет быстро, не голая девчонка, и ладно.

Стелла упорно сидела за учебниками, самостоятельно разбираясь с правилами, решая все задачки подряд, а не только то, что задано. Часто засиживалась за уроками за полночь, когда Танька и Светка уже мирно сопели в подушки. И день ее триумфа настал.

Мариванна раздавала листочки с итоговой контрольной по математике.

– На этот раз, товарищи, вы меня и огорчили, и удивили. С последней задачей справились только трое из класса, это Ярошева, Фатова и... Гарсия.

Все головы повернулись к Стелле. Учительница выжидательно смотрела на нее поверх очков.

– Иди к доске, объясни классу, как решаются такие задачи.

Для Стеллы это не составило труда. Она чувствовала себя победительницей. Теперь одноклассники не будут смотреть на нее, как на пустое место, поймут, что она ничем не хуже

их. Собственно, ради этого она и учится так старательно. Но ничего не изменилось, ее по-прежнему не замечали. На переменках Стелла так же, как раньше, сидела одна за последней партой, с завистью наблюдая за шумной возней мальчишек, за склонившимися друг к другу головами девчонок и старалась не разреветься. «Ну и черт с вами, – с досадой думала она, – у меня и без вас есть друг. Вам такой и не снился!»

Глава 3. Неожиданная дружба

Май – сентябрь 1921 года, Петроград.

Первого мая ученикам было велено прийти нарядными. У Стеллы нарядов не было, она приколола булавками к единственному платью мамин белый воротничок.

Детей построили в колонну, раздали красные флажки и ветки с привязанными к ним бумажными цветами и листьями. В первых рядах встали школьные физкультурники в одинаковых белых блузах и синих бриджах. Среди них Стелла заметила белобрысый ежик Кащеева, атласные банты Фатовой и короткую стрижку Ярошевой.

Четкими рядами ученики единой трудовой школы двинулись в сторону площади Урицкого (бывшей Дворцовой). К площади с разных сторон стекались колонны других школ, заводов, организаций. Такого количества людей Стелла еще не видела! Она глазела на знамена, транспаранты со звонкими лозунгами. На перекрестке увидела машину с установленным на ней огромным макетом земного шара, опоясанным кумачовой лентой. На ленте красовалась надпись «освобожденный труд».

Как только школьная колонна ступила на площадь, Фато-

ва и Ярошева оказались на плечах старшекласников. В руках одна держала красное знамя, вторая – знамя школы. И это было так ярко – ровные ряды физкультурников, девичьи фигурки в белых блузах на фоне синего весеннего неба, развевающиеся знамена! Мариванна бежала вдоль колонны и шипела: «Машите флажками! Машите! Улыбайтесь!» И Стелла старательно махала тем, что было у нее в руках – флажком и веточкой, и улыбалась. Ей тоже хотелось плыть над площадью со знаменем в руках. Под гром оркестра, под крики «Ура-а-а!» ряды демонстрантов маршировали вдоль Зимнего дворца, мимо трибуны и выходили на Миллионную.

На Миллионной колонны рассыпались и редели. Многие отправлялись на Марсово поле, чтобы посмотреть «живые пирамиды». Стелла тоже побежала, но пробиться сквозь толпу не смогла. От обилия впечатлений, разноголосого шума, музыки голова у нее гудела и слегка кружилась. Она махнула рукой на представление и отправилась пешком к Нафисе.

Ветер полоскал красные флаги на домах, на ясном небе сияло солнце. Петроградцы, на день забыв о заботах, пели и плясали под гармошки. И было чему радоваться – страшная, холодная и голодная зима миновала. Под Петроградом разгромлена армия Юденича. Война откатилась от города. Увеличилась норма выдачи хлеба по карточкам. Перед праздником стали снимать щиты с витрин, открылись некоторые магазины. Надежды, как травинки сквозь асфальт, пробива-

лись в сознании людей.

Всеобщее веселье подействовало и на Стеллу, ее тоже охватило радостное предвкушение чего-то хорошего. По пути увидела галантерейную лавку, вошла, и глаза разбежались от всяких штучек. На шее у девочки, спрятанный под платье, висел на шнурке мешочек. Нафиса научила ее так беречь деньги от карманников. Чтобы не тратить монетки, которые няня давала на трамвай, Стелла наловчилась ездить снаружи, на сцепке, это называлось «ездить на колбасе». Она вытряхнула из мешочка всю мелочь. Хватило на белую атласную ленту и узорчатый гребешок. Ну и пусть у нее не осталось ни одной денежки, зато теперь ее голова будет выглядеть аккуратно, не хуже, чем у Фатовой.

Стелла не заметила, как прошагала немалое расстояние до набережной Карповки. Бегом взлетела по лестнице. На звонок никто не ответил. Она прислушалась, из-за двери доносились странные звуки, потом сдавленный крик. Девочка узнала голос няни и принялась крутить ручку звонка, стучать в дверь кулаками, ногами. Наконец ей открыли, но на пороге стояла не Нафиса, а незнакомая женщина в клеенчатом фартуке, забрызганном кровью. Стелла бросилась в комнату. Сильные руки перехватили ее и выставили обратно на лестничную площадку.

– Ку-уда?! К Нафисе нельзя, рожает она. Ты кто?

– Я? Она моя няня.

– Ах, няня! Ну, так иди домой. Дня три обойдешься без

няньки. Раньше не приходи, окрепнуть роженице и младенцу надо.

Дверь захлопнулась. Стелла в растерянности постояла перед закрытой дверью, потом устало побрела по праздничной улице в направлении Выборгской стороны. Денег на трамвай не осталось.

В квартире было пусто и тихо. Капитолина вместе с Танькой и Светкой, прихватив и Яшу, отбыли в деревню, к родне. Праздник праздником, а копать огород, сажать картошку надо. Сонька тоже уехала в деревню еще в марте, там родила дочку и осталась у матери, пока ребеночек подрастет.

Стелла открыла буфет – пусто. Из провизии только немного сушеного гороха. Попробовала его грызть. Жестко и несъедобно. Решила залить кипятком, пусть размокнет. Пошла с чайником на кухню. На керогазе булькала чужая кастрюлька, распространяя завораживающе-вкусный запах вареной картошки. Стелла подняла крышку, картошка желтела маслянистыми боками. Девочка не могла отвести от нее глаз. Как во сне взяла ложку и выудила горячую картофелину. Сзади кто-то кашлянул. Стелла выронила картофелину обратно в кастрюлю. Горячие брызги обожгли руку. В дверях стоял профессор.

– Я... только посмотреть... Я не взяла... Извините, – пробормотала девочка. В ее глазах заблестели слезы.

– Вот что, милая барышня, – ответил профессор, – я как раз собирался пригласить вас на ужин. Составите компанию?

Отметим праздник. Кроме картошки есть настоящие свежие баранки. И чай. Правда, чай морковный.

— А баранки маковые?

— Ванильные.

При случайной встрече с профессором Стелла каждый раз робела, хотя уже знала, что Танькины рассказы о соседе-оборотне всего лишь выдумки. Танька сама в этом призналась. Но картошка, баранки и любопытство перевесили настороженность. Впрочем, хватило бы и одной картошки...

Комната профессора была раза в два больше, чем комната Стеллы. У прежних хозяев квартиры здесь находилась спальня. С тех времен, видимо, осталась дубовая кровать с резным изголовьем и пологом, занимавшая значительную часть помещения. Справа от входа стоял буфет, ближе к окну располагался просторный письменный стол, заваленный папками и стопками исписанных листов бумаги. Стол стоял перпендикулярно к широкому подоконнику, сплошь заставленному приборами, штативами с пробирками, стеклянными чашками и какими-то совсем непонятными штуками. Левую стену занимали шкафы и стеллаж с книгами.

Пока Стелла осматривалась, сосед освободил угол стола, постелил вышитую салфетку, достал из буфета фарфоровые тарелки, вилки, корзинку с баранками, разложил по тарелкам дымящуюся картошку и широким жестом пригласил гостью к столу. Уговаривать девочку не пришлось, картофелины исчезли моментально. Морковный чай с баранками пи-

ли уже не спеша. Стелла чувствовала, что надо бы поддержать беседу и, откашлявшись, спросила, что это за картина висит над кроватью. На полотне была изображена дама в синем платье, сидящая на террасе на фоне озаренного солнцем сада.

– Это не просто картина. Это портрет моей жены.

– Красивая, – вежливо сказала Стелла. – А где она сейчас?

– Она умерла перед войной.

– Извините. Вы, наверное, скучаете по ней, как и я по маме.

– Скучаю. Но думаю, что судьба пощадила ее. Ей не пришлось пережить гибель на фронте нашего единственного сына Юрочки, голода, разрухи... да много чего.

Стелла поняла, что выбрала не ту тему для праздничного ужина, и поспешила спросить:

– А что это за штука у вас на подоконнике?

Профессор прищурился, сдерживая усмешку.

– О-о! Это волшебная вещь! Окошко в другой мир.

Глаза девочки округлились:

– Как это? Какой «другой мир»?

– Подойди к окну. Что ты там видишь?

– Ну... дома вижу, деревья... лошадь тащит груженую подводку... женщина с девочкой идут, кошка пробежала...

– Вот! Это наш мир, привычный. А теперь взгляни в это окошко, – профессор показал на стеклышко в приборе, – что ты видишь?

– Ничего не вижу.

– Покрути вот это колесико, настрой на свои глазки.

– Ой, вижу, вижу!.. Что это?..

Стелла увидела какое-то прозрачное зеленоватое существо, похожее на червячка с большой головой, вокруг которой шевелились тонкие длинные то ли щупальца, то ли волоски. Рядом плавали другие существа, похожие на мелкие кляксы. Вдруг волосатый червяк поймал и засосал внутрь одну кляксу. Тело его раздулось, внутри появилось темное, постепенно тающее пятно. Потом в поле зрения всплыло нечто оранжевое с ужасной черной рогатой головой. Девочка отпрянула от окуляра.

– Кто это там?!

– Это и есть обитатели «другого мира». Называются микробы. Их очень много, гораздо больше, чем нас, и живут они повсюду. Сейчас ты рассматривала каплю воды из лужи, что находится перед нашей парадной. Микробы очень маленькие, увидеть их можно только в микроскоп. Но они везде: в воздухе, на столе, на нашей одежде, коже. Некоторые внутри нас живут! Среди них есть безобидные для человека, даже полезные существа, а есть и очень опасные, вызывающие такие болезни, от которых умирают люди.

– Мою маму тоже убили микробы?

– Да. Убийцу твоей мамы зовут риккетсия.

– А как от них защититься?

– Надо тщательно мыть руки.

Девочка внимательно посмотрела на свои ладошки.

– У меня руки чистые.

– Ну, давай проверим, – профессор открыл одну из стеклянных чашек, наполненную чем-то похожим на желе, и предложил Стелле коснуться поверхности пальцем, закрыл чашку и убрал ее в железный шкафчик.

– Дней через пять увидим твоих «квартирантов». Ты удивишься, сколько их живет на «чистых» руках!

– А вам зачем это всё? Просто интересно?

– Я изучаю микробов, чтобы помочь людям справиться со многими болезнями, чтобы люди не умирали, как твоя мама. Я ученый-микробиолог.

– А я раньше... ну, еще до детского дома, боялась вас. Думала, что вы колдун и умеете превращаться в черного кота. Мне Танька сказала, что вы оборотень.

– Что-о-о?! – глаза профессора округлились, и он громко расхохотался. – Ай да Танька! Ай да фантазерка! А теперь не боишься?

– Я же тогда маленькая и глупая была. Теперь не боюсь. Вы добрый... вы меня вылечили.

Девочка оглядела комнату.

– Здесь столько книг! Неужели вы все прочитали?!

– Что-то прочитал, остальное использую как справочники. Это не только мои книги, но и книги жены, сына. Кстати, ты можешь их брать и читать, но лучше в моей комнате, чтобы не затерялись.

– Я книжки читать не люблю. Я любила, когда мама или няня мне читали.

Сосед удивленно посмотрел на девочку поверх круглых очков, долил чай в обе чашки. Корзинка опустела, баранки кончились. Порывшись в буфете, он достал кусочек сахара, положил перед девочкой:

– Вот, к чаю. Маленьким сладкое полезно, а старикам вредно.

– Спасибо, профессор.

– Хочу сказать, что профессор – это ученое звание и должность в институте, где я читаю лекции, а зовут меня Василий Львович. Так меня и называй. А тебя как по батюшке? Стелла...

– Я не знаю... Меня никто по батюшке не называет.

– А как звали твоего отца, знаешь?

– Знаю. Лео.

– Гм, сразу и не сообразишь... Наверное, Леовна. Никогда, правда, такого не слышал. Лео переводится на русский как Лев, так что по отчеству можно и Львовна. Выходит, тезки мы с тобой, «по батюшке». Так ты у нас Стелла Леовна... Свободова?

– Нет, моя фамилия Гарсиа, как у папы.

– Стелла Леовна Гарсиа!... С ума сойти!.. Судьба не зря дала тебе такое звучное и запоминающееся имя. Просто королевское! Ты непременно должна прославиться, достичь высот в том деле, которым будешь заниматься! Ты кем хо-

чешь стать, когда вырастешь?

– Еще не знаю. Наверное, врачом, как мама. Если смогу.

– Конечно, сможешь, если очень захочешь. Отличная мечта! Учись только старательно. И еще запомни совет: вырастешь, будешь замуж выходить – фамилию не меняй. Гарсия – это тебе не Иванова-Петрова-Сидорова. Такое имя еще сослужит тебе добрую службу. Ты пока маленькая, а вырастешь – поймешь.

Девочка печально вздохнула:

– Хорошо... Только я замуж не выйду.

– Это еще почему? – удивился Василий Львович.

– Потому что я некрасивая. И у меня нет красивой одежды. Со мной даже дружить никто не хочет. И за партой я одна сижу...

Василий Львович вновь посмотрел на гостью озадаченно:

– Во-первых, ты ошибаешься. Ты не некрасивая, а неухоженная. Это разные вещи. Дело поправимое. Во-вторых, с одеждой еще проще, вырастешь и купишь себе самую красивую. А в-третьих, хочешь – я стану твоим другом?

– А можно? Вы хотите со мной дружить? Правда?

– Давай попробуем. А сейчас время позднее, отправляйся-ка спать. Завтра вечером приходи снова чай пить и поболтать. Не побоишься одна ночевать?

– Нисколько. Я не трусиха. Наоборот хорошо, никто толкаться и одеяло стягивать не будет.

Майские дни мелькали один за другим. Настало лето, а с

ним, к огромной радости Стеллы, школьные каникулы. Танька со Светкой уехали к бабушке в деревню, но девочка не скучала, день ее был заполнен. Каждое утро она отправлялась к Нафисе, чтобы помочь с малышом.

Мальчика называли Салаватом. Стелла впервые видела такого маленького ребенка. Помогая купать, разглядывала крошечные пальчики, пульсирующий родничок на темечке, круглые розовые пяточки. Ради удовольствия подержать малыша на руках, наблюдать, как он сосет грудь, пытается схватить яркую тряпочку, гримасничает, она готова была делать все, что скажет Нафиса: стирать и гладить тяжелым утюгом пеленки, мыть полы, стоять в очереди за кефиром в молочной кухне. В этой уютной квартире девочке казалось, что у нее есть дом и семья. Но наступал вечер. Перед приходом Амира Кадыровича Стелле приходилось возвращаться в свою пустую комнату. Впрочем, там она не задерживалась, а шла прямым ходом к Василию Львовичу. Вежливо постучавшись, заглядывала в дверь:

– Можно?

В ответ слышала веселое:

– А-а, стрекоза прилетела! Заходи. Сейчас будем чаевничать, и ты расскажешь, где была, что видела.

Если же профессор работал, то он молча показывал большим пальцем на книжный шкаф. Первое время Стелла неохотно брала любую книжку, листала и откладывала, просто сидела и смотрела в окно. Но однажды наткнулась на

роман «Три мушкетера». Девочка посмотрела картинки, и неожиданно приключения отчаянного гасконца увлекли ее. Вместе с д'Артаньяном она скакала по полям Франции, сражалась, влюблялась в прекрасную Констанцию и с трудом возвращалась в реальность, когда профессор звал пить чай с сухариками. Теперь она спешила скорей закончить дела у няни и оказаться в комнате соседа, где ее ждал непоседливый д'Артаньян. Стелла устраивалась на краешке широкой кровати и читала, пока Василий Львович не откладывал бумаги в сторону и не подмигивал ей:

– Ну что, красавица? Выкладывай свои новости.

По воскресеньям, когда идти к Нафисе было нельзя, они с профессором отправлялись на прогулку. И неважно, какая была погода: плавил ли солнце асфальт или моросил нудный петроградский дождик, они все равно шли гулять. За разговорами обо всем на свете уходили далеко от дома. Благодаря такому спутнику Стелла уже хорошо знала родной город. Профессор рассказывал бесчисленное множество историй, связанных с разными уголками Петрограда. Девочке нравилось идти, держась за руку своего большого друга. И пусть все думают, что она гуляет с родным дедушкой.

Однажды Василий Львович предложил зайти в парикмахерскую, чтобы постричься. Стелла с любопытством наблюдала за тем, как работает парикмахер, разглядывала фотографии, развешанные по стенам. Закончив со стрижкой профессорской головы, мастер повернулся к девочке:

– Милая барышня, не желаете сделать модную стрижку? Например, вот такую, – он указал на одну из фотографий на стене.

Стелла сначала отказалась, но, приглядевшись к фотографии, решилась. Робея, она уселась в кресло, а через полчаса с удивлением разглядывала в зеркале новую себя. Вместо тусклых волос, заплетенных в две косицы, – блестящие рыжие локоны, остриженные коротко, до мочек ушей, и открывающие взглядам худенькую шею.

– Ах, какая роскошь! Какой цвет! Чистый мед! Какие волны! Какое изящество! – ворковал вокруг нее парикмахер. Василий Львович довольно улыбался. Стелла шла по улице рядом с профессором, и ей казалось, что все прохожие смотрят на нее. Она и сама не пропускала ни одной витрины, узнавая и не узнавая свое отражение.

В конце лета произошло еще одно удивительное событие. Отправляясь за покупками в Гостиный двор вместе с Танькой и Светкой, Капитолина взяла с собой Стеллу. Вдыхая, как выросли девчонки за лето, она купила всем по белой блузе, по синей юбке в широкую складку и по паре новеньких блестящих ботинок, а также чулки, трусики, майки. Особенно Стелле понравились широкие матросские воротники на блузах. Одежда была немного великовата, «с запасом», как сказала Капитолина, но это даже хорошо, «надольше хватит».

– Спасибо, тетя Капа, – вежливо поблагодарила не ожи-

давшая такой щедрости Стелла.

– Я что... Мне какая разница, кому платить за комнату? Дружку своему, профессору, спасибо скажи. Это он усовестил Нафису. Теперь на эти деньги буду тебе одежду покупать по мере надобности. Давно бы так-то. А то смотреть на тебя стыдно.

Первого сентября Стелла в новенькой матроске и ботинках, с узорчатым гребешком в тщательно расчесанных кудрях ловила на себе удивленные взгляды одноклассников. Но это были мелочи по сравнению с тем триумфом, который ждал ее на последнем уроке.

На литературе Мариванна спросила, какие книжки прочитали за лето ученики. Когда очередь дошла до Гарсиа и она перечислила весь список, класс удивленно затих. Учительница озадаченно смотрела на Стеллу поверх очков.

– Это правда? Ты не... приукрашиваешь? Ты действительно прочитала все эти книги? Может быть, расскажешь нам вкратце содержание любой из них?

Стелла вышла к доске и начала пересказывать историю о «Пестрой ленте» из «Записок о Шерлоке Холмсе». Долгие беседы с профессором во время их совместных прогулок не прошли даром – рассказывала она увлекательно. Одноклассники слушали, затаив дыхание. Урок пролетел незаметно. Некстати прозвучал звонок, но никто не сорвался с места, сидели и слушали, пока история не закончилась. Получив честно заработанную «удочку», Стелла складывала тетрадки

в портфель. К ее парте подошел Кашеев.

– Слушай, Морковка, а можешь дать почитать эту книжку? – небрежно спросил он, глядя на девочку сверху вниз.

– Нет, Оглобля, не могу, – в тон ему ответила Стелла, – потому как книга не моя.

– Почему это я Оглобля? – удивился парень. – Меня вообще-то Кашеем называют.

– На Кашея ты не тянешь, тот старый и умный был, а ты длинный и глупый. Как есть Оглобля!

– А почему это я глупый?

– А почему это я Морковка?

– Так рыжая же!

– Не рыжая, а медовая!

– А ты забавная... И глаза зеленые, как у русалки, – рассмеялся Кашеев. – А чего одна сидишь на камчатке? Скучно же. Перебирайся за мою парту, вместе веселее. И подсказывать друг другу будем.

– Я подумаю. А дразниться не будешь? Меня Стеллой зовут, запомни!

– А меня Валеркой дома зовут. Дразниться больше не буду.

На следующее утро, войдя в класс, Гарсиа прямым ходом прошла и села за парту Кашеева. Одноклассники удивленно озирались на них и шептались. В классе было принято, что девочки сидят с девочками, а мальчики с мальчиками. Мариванна, конечно же, заметила это новшество, но ничего не

сказала. Похоже, ей это даже понравилось.

Глава 4. Студентка

Сентябрь 1928 – январь 1929 года, Ленинград.

В битком набитом пассажирами трамвае было душно. Стелла пожалела, что протиснулась внутрь вагона, а не осталась висеть на подножке. Она оказалась зажатой между мягкотелой гражданкой и потным здоровяком. Перед ее лицом болталась авоська с рыбой. Стелла терпела, успокаивала себя тем, что ехать недалеко. Гораздо разумнее было бы идти пешком, она так и планировала, но слишком долго собиралась и прихорашивалась, так что времени на прогулку уже не осталось. Еще не хватало опоздать в первый день учебы в институте на первую в ее жизни лекцию!

Поездка закончилась даже раньше, чем она предполагала – трамвай вдруг дернулся и встал посреди Гренадерского моста. С минуту пассажиры ждали, потом поднялся ропот, переходящий в ругань. Из кабины высунулась вагоновожатая:

- Ну чего орете? Чего орете? Тока нет, что я сделаю?
- Когда поедем, твою мать?!
- Как ток включают, так и поедем. Думаете, мне охота тут торчать?
- А когда включают?

– Я почему знаю? Может, через пять минут, а может, через пять часов. Кто торопится – пешком идите.

Пассажиры посыпались из вагона, как горошины из стручка, и понеслись вдоль трамвайной линии. Стелла тоже вышла и чуть не бегом устремилась вперед, сокрушаясь, что теперь-то точно опоздает. Она не сразу заметила, что рядом с той же скоростью едет велосипедист. Обратила внимание только, когда на перекрестке он преградил путь. Перед ней, держа велосипед и улыбаясь, стоял Валерка Кашеев.

– Привет, Морковка! А я смотрю: ты, не ты?

– Привет, но мне не до тебя сейчас. Я опаздываю! И сколько раз просила не называть меня Морковкой! Оглобля!

Валерка и впрямь стал похож на оглоблю – худой, длинный, на голову выше Стеллы.

– Больше не буду. Садись, мигом домчу, скажи только, куда. Доедем быстрее, чем на трамвае.

Это был выход. Не раздумывая, Стелла оседлала багажник.

– Фармфакультет первого меда знаешь где? Угол Профессора Попова и Аптекарского. Ну, рядом с Ботаническим садом.

– Ясно. Погнали. Держись крепче. Между прочим, соседями будем. Я в электротехнический поступил. Это напротив.

Дорога, действительно, заняла гораздо меньше времени, чем на трамвае. Валерка несясь вдоль забора Ботанического

сада, разгоняя встречных кошек и голубей, и через десять минут Стелла спрыгнула с багажника возле институтского крыльца. Она взглянула на дамские часики, подаренные Василием Львовичем в день ее поступления в институт. До начала лекции оставалось целых пять минут, как раз, чтобы найти нужную аудиторию и занять место. На радостях чмокнула Валерку в щеку:

– Спасибо! Ты настоящий друг! Пока! – и умчалась, оставив слегка оторопевшего парня у крыльца.

В вестибюле, пробегая мимо большого зеркала, увидела свое отражение и резко затормозила. Что это?! Вместо тщательно расчесанных и уложенных локонов растрепанная метла, подол маминого нарядного крепдешинового платья испачкан в грязи, на беленьких носочках след от велосипедной цепи, новый габардиновый жакет украшают темные круги под мышками. Стелла ошеломленно смотрела на свое отражение. Она так готовилась к сегодняшнему дню, помня горький школьный опыт, так хотела с первой встречи произвести хорошее впечатление на будущих однокурсников и преподавателей! И вот на тебе, пожалуйста, во что превратилась после давки в трамвае и стремительной поездки на велосипеде! Стелла порылась в сумке. Ну, конечно, расческу она забыла дома! Пришлось вместо аудитории искать туалет, чтобы хоть как-то почиститься и привести себя в порядок.

Декан вдохновенно произносил вступительную речь, когда дверь, скрипнув, приоткрылась и Стелла появилась в

аудитории. Все разом повернули головы на звук. Девушка замялась, не зная, можно ли войти, или лучше покинуть аудиторию. На лице декана мелькнула досада. Не прерывая выступления, он жестом предложил ей сесть. Первые ряды в аудитории были заняты, свободные места оставались только на камчатке. Стелла заторопилась вверх по широким ступеням амфитеатра, но споткнулась и с шумом упала. Сумка укатилась вниз, к кафедре. Все головы вновь повернулись в ее сторону. Студенты привставали, тянули шеи, чтобы увидеть, что произошло. Кто-то негромко сказал: «Эффектное появление...». По рядам прокатился смехок. Декан замолчал и тоже вытянул шею, разглядывая помеху.

– Девушка, да сядьте вы уже, в конце концов! Мало того, что опоздали в первый же день занятий, так еще лекцию срываете! Как ваша фамилия?!

У Стеллы в голове пронеслась фраза Василия Львовича: «Гарсиа фамилия запоминающаяся, это тебе не Иванова-Петрова-Сидорова!», и она неожиданно для себя выпалила:

– Иванова-Петрова-Сидорова.

Аудитория утонула в хохоте. Смеялись все, включая декана.

– Ну, Иванова-Петрова-Сидорова, я вас запомнил! Встретимся на экзаменах, если вы до них дойдете, – сказал он, утирая выступившие от смеха слезы.

Совершенно расстроившись, Стелла уселась на камчатке,

достала тетрадку, химический карандаш. Декан, сбившись с мысли, скомкал конец вступительной речи и уступил кафедре профессору по неорганической химии. Учеба началась. Стелла сверху разглядывала однокурсников. Девушек было значительно больше, чем парней. Ну почему все выглядят такими аккуратными, нарядными, пришли вовремя, только у нее, как всегда, все наперекосяк?! Ведь она так старалась сегодня произвести благоприятное впечатление в новом коллективе. Н-да, появиться с достоинством явно не получилось...

В соседнем ряду Стелла заметила молодого человека. Она обратила внимание на слегка выющиеся, небрежно зачесанные набок каштановые волосы, широкие плечи, плотно обтянутые полосатой тенниской. Парень оглянулся. Боже, у него голубые глаза, светлые, как зимнее небо! Стелла попыталась сосредоточиться на лекции, но слова преподавателя скользили мимо сознания, взгляд сам собой вновь и вновь обращался к юноше. Он снова оглянулся, она не успела отвести глаза. Он лукаво усмехнулся и подмигнул ей. Стелла почувствовала, что краснеет. Она запретила себе смотреть в его сторону, уставилась в тетрадку, что-то писала, но смысл написанного ускользал. Первый учебный день пропал зря.

На следующее утро, выйдя из парадного, девушка увидела Валерку. Облокотившись на велосипед, он ждал ее появления.

– Привет! Садись, давай подвезу, раз уж нам по пути.

На этот раз Стелла подготовилась к поездке: она достала из сумки косынку и повязала голову, бельевыми прищепками зацепила подол платья, закатала носочки до самых туфель и в таком виде оседлала багажник.

В тот же день на практических занятиях по фармакологии она узнала, что обладателя каштановой шевелюры и голубых глаз зовут Костей, и учиться им предстоит в одной группе. Стелла расстроилась, потому что в его присутствии теряла способность ясно мыслить. Это явно помешает учебе.

Шли дни, недели. Стелла старалась занять в аудитории такое место, чтобы не видеть Костю, только так она могла сосредоточиться. И все равно чувствовала его присутствие всей кожей, всем своим существом. Кажется, Константин тоже выделял ее среди одноклассниц. Временами она ловила его задумчивый взгляд. Однажды Стелла заметила, как из Костиной тетради выскользнул листок бумаги. Она подняла его, хотела вернуть владельцу. Это оказался карандашный набросок. В женской головке Стелла узнала себя. Ее бросило в жар. Значит, она ему тоже небезразлична? Девушка украдкой убрала драгоценный рисунок в свою сумку. Каждый день она ждала, что Костя подойдет, заговорит, предложит прогуляться после занятий или просто скажет какие-то особенные слова... Но ничего такого не происходило. Подойти и заговорить первой ей казалось неприличным. В присутствии этого юноши она робела, что ей было совсем не свойственно. Впрочем, на разговоры времени все равно не хватало, после

занятий надо было быстро пообедать в столовке электротехнического института и бежать на кафедру микробиологии, на работу.

Заведовал кафедрой Василий Львович, он и взял девушку к себе лаборанткой. Обязанности несложные: перемыть чашки петри, колбы, пробирки, использованные студентами во время практических занятий, убрать приборы и расставить наглядный материал по местам, подготовить все необходимое к завтрашнему дню. Зарплата небольшая, но без этих денег Стелле не обойтись.

Соседка Танька теперь училась на геолога, пропадала в экспедициях и в студенческой коммуне. Ее разногласия с матерью, возникшие из-за отчима, только усугубились, поэтому дома она появлялась редко, хотя сам Яшка успел раствориться где-то в недрах питерских коммуналок. Капитолина жила вдвоем с младшей дочкой Светкой в своей комнате. Отпала надобность снимать угол у Стеллы, и соседка перестала тратиться на девушку, разве что по старой памяти угостит чем-нибудь из стряпни.

Стелла завидовала тем одноклассницам, у которых были деньги на новую пару чулок, на помаду, на чашечку кофе в соседней кофейне. А ей приходилось считать каждую копейку, довольствоваться стаканом чая в студенческой столовке. Когда уж совсем было голодно, шла к Нафисе, там для нее всегда находилась тарелка горячего супа. По воскресеньям Стелла вставала в полшестого утра и шла мыть лестницы в

парадных, спешила сделать работу, пока соседи спят. За эту помощь дворник отстегивал ей по два рубля в неделю – существенный вклад в ее студенческий бюджет. Стелла надеялась, что хорошо сдаст зимнюю сессию и заработает стипендию, которая вдвое увеличит ее доходы. Вот тогда она купит себе новое пальто, теплые ботинки, помаду и будет выглядеть не хуже профессорской дочки – звезды их курса. Может быть, тогда Костя, наконец, подойдет к ней.

Приближался Новый год, а с ним первая сессия. Закончив уборку на кафедре, Стелла сдала ключ вахтеру и заматывала шею шарфом. Она обдумывала, зайти ли ей к Нафисе, или уже поздно, и лучше поторопиться домой, чтобы успеть подготовиться к завтрашнему зачету. В зеркале она увидела, как в полутемном вестибюле от угла отделилась фигура и направилась в ее сторону. Быстро обернулась, и сердце замерло – Костя!

– Привет! Домой собираешься? Тебе в какую сторону? Пойдем вместе?

– Мне на Выборгскую... Но можно прогуляться до Каменноостровского проспекта. Вечер хороший... снежок идет... А ты почему до сих пор в институте?

Стелла старалась ничем не выдать волнения.

– Я? Да так... в библиотеке задержался. А если честно, то тебя ждал.

Девушка ликовала в душе. Они вышли в декабрьский вечер. В свете фонарей кружились пушистые хлопья. Мимо,

словно видения, бесшумно проплывали закутанные фигуры прохожих, редкие автомобили. Стелла поскользнулась на ледяной дорожке, Костя успел подхватить и удержать ее от падения. Оба рассмеялись и дальше пошли под ручку, ловя снежинки на варезки. Стелла не заметила, что из-за колонны институтского крыльца за ними наблюдает Валерка. Она и думать забыла, что друг детства часто поджидает ее около института. Валерка после лекций шел в читалку. Он сидел там над конспектами до шести вечера, чтобы идти домой вместе с подружкой. Ее появление в обществе какого-то молодого человека было так неожиданно, что Валерка растерялся и так и остался стоять возле колонны. Когда парочка скрылась за углом, он последовал за ними на некотором расстоянии. Они затеяли перестрелку снежками, и Валерка с горечью отметил, что не помнит, чтобы Стелла так много и заразительно смеялась. Когда он недавно запустил в нее снежком, то получил выговор: «Ну вот, пальто испачкал!».

Парочка дошла до трамвайной остановки, немного потопталась и продолжила путь дальше, в сторону Каменноостровского проспекта. Валерке стало так больно и обидно, что он развернулся и пошел пешком вдоль набережной Карповки домой.

Между тем Константин и Стелла дошли до сквера и уселись на лавочку. Речь зашла о предстоящей сессии, первой в их студенческой жизни.

– Говорят, мало поступить в институт, надо первую сес-

сию не завалить, чтобы по-настоящему стать студентом. После нее много народу отсеивается, – вздохнул Константин. – Я вот больше всего боюсь физики, а она первым экзаменом.

– Ну, физика как раз не самый сложный предмет. Тут логику включать надо, – отряхивая снег с шали, ответила Стелла. – Даже если не доучил, сообразить можно. Главное – тему понять. Я гораздо больше боюсь неорганики. Тут я не улавливаю никакой логики. Двухвалентный алюминий, трехвалентный алюминий... поди, сообрази, какую валентность он должен иметь в конкретной реакции! Я с этим алюминием чуть не срезалась на вступительном экзамене. Решила задачу и так и сяк... зубрю-зубрю таблицу Менделеева, а всю запомнить не могу.

– До экзамена по неорганике еще дожить надо. Срежешься на физике, и всё, пиши пропало... Слушай, а что если нам вместе готовиться к экзаменам, а?

– Нам? Вместе?

– Ну да! Поднатаскаешь меня, ты вон как соображаешь. А то ведь вылечу, как пить дать.

Костя вскочил с лавочки и встал перед ней, заглядывая в лицо умоляющим взглядом. Уговаривать девушку не пришлось. Разве могла она допустить, чтобы его отчислили? А главное – быть вместе каждый день, она мечтала об этом!

– Хорошо, давай готовиться вместе, – Стелла старалась говорить как можно спокойнее, чтобы не спугнуть свою радость. – А где будем заниматься? В библиотеке?

– Зачем в библиотеке? Приходи ко мне домой. Тепло, никто не отвлекает, не мешает. Вот адрес, – он достал листок бумаги из внутреннего кармана пальто и протянул ей, – дом прямо рядом с Львиным мостиком. Знаешь, где это?

– Конечно, знаю, – Стелла соображала, как туда доехать с Выборгской стороны.

– Вот и отлично, и договорились. Давай сразу после Нового года и начнем заниматься. Первого числа приходи утречком, как выпишься. Идет?

Помолчали. Из черной бездны над их головами скользили бесконечные белые хлопья, оседая пушистыми шапками на кустах сквера, уличных фонарях, плечах прохожих. Стелла разглядывала огни проспекта, разноцветные прямоугольники окон, правильный профиль Константина, вслушивалась в звуки вечернего города. Он кашлянул, поправил шарф, поднялся со скамейки.

– Тебе сейчас куда? Где ты живешь?

– На Выборгской, – она махнула рукой в направлении дома.

– Тебе на трамвай? Тогда поторопись, позже их не дождешься. Да и мне пора, а то не уеду. Ну, пока? До завтра?

– Пока. До завтра.

Стелла проводила взглядом удаляющуюся спину Константина, посидела еще несколько минуточек – не хотелось завершать эту чудесную прогулку – и пошла в сторону трамвайной остановки.

Она не так ожидала новогоднюю ночь, ничего особенного та ей не сулила, как ждала первое января. В десять утра Стелла уже стояла неподалеку от Львиного мостика перед нужным домом и разглядывала его фасад. Окна здания украшали некогда белые, а нынче серые от времени и городской въевшейся пыли пилястры. Шумный лифт поднял ее на четвертый этаж. Звонков было всего два. Она нажала на зеленый, как было указано в записке. Дверь открыла девушка в широком свитере поверх домашнего платья. Она была старше Кости. Длинные русые волосы, расчесанные на прямой пробор, двумя полукружьями закрывали уши, делая ее похожей на пушкинскую барышню.

– Вы Стелла? – спросила она. – Мы не ждали вас так рано. Проходите, Котя сейчас выйдет.

Комната была просторной, с высокими потолками и двумя большими окнами. В ней царил уютный беспорядок. Между окнами стояла нарядная елка, на столе недопитая бутылка вина, свечи. Сквозь открытую дверь виднелась соседняя комната. Там что-то упало, кто-то тихо чертыхнулся.

– Располагайтесь, где вам удобно, – улыбнулась девушка, – меня можете называть Надей.

Она собрала со стола бокалы, бутылку и вышла. Через пару минут из соседней комнаты появился Костя. Заспанный, растрепанный, в едва запахнутом халате, он выглядел иначе, чем в институте.

– Привет! Извини, вчера праздновали, я поздно лег. Сей-

час умоюсь, и будем заниматься, – зевнул он.

Стелла почувствовала себя неловко, словно совершила бестактность, явившись слишком рано. Но ведь они на это время и договаривались!

Пока она ждала Константина, в комнату вновь вошла Надя, на этот раз с подносом, уставленным тарелками с едой. Весело желтела яичница, румянились поджаренные ломтики хлеба, источали забытый аромат чашки с настоящим кофе. Все это было словно из какой-то другой жизни.

– Я думаю, сначала надо позавтракать, чтобы головы лучше соображали. Не откажитесь составить Коте компанию. Ну, не буду больше вам мешать.

У Стеллы на завтрак были кусок отрубного хлеба с подсолнечным маслом и заваренный кипятком цикорий, разве могла она устоять перед эдаким великолепием?

Молодые люди добросовестно штудировали конспекты до восьми вечера. В обед Надя еще раз появилась в комнате, на этот раз с подносом, уставленным тарелками с супом и кашей. Стеллу все больше мучил вопрос, кто такая Надя. Сестра? Подруга? Решилась спросить, когда Костя пошел проводить ее до остановки трамвая.

– Кто такая Надя? Хозяйка квартиры. Снимаю у нее комнату. Она дальняя родственница моего отчима, вот и приютила. Я-то сам из Гатчины, моя семья там. Вот... как-то так... А тебя что-то смущает? – усмехнулся он.

Стелла не знала, что ответить, и просто пожала плечами.

Действительно, ее какое дело? То есть дело, конечно, было! Но права задавать такие вопросы не было никакого.

День за днем она приходила в дом на канале Грибоедова и штудировала с Константином физику. На экзамене волновалась не столько за себя, сколько за своего подопечного, но всё прошло благополучно, оба получили честно заработанные «удочки». Костя бурно радовался, тормозил Стеллу. Они вместе вышли из института, дошли до Каменноостровского проспекта. На углу он спросил:

– У тебя рубль найдется?

Порывшись в кошельке, Стелла вытащила купюру. Костя взял.

– Стой здесь, никуда не уходи!

Он умчался и через несколько минут вернулся с веткой кустовой розы, усыпанной алыми бутонами.

– Вот, держи. Это тебе.

Стелла взяла ветку и ойкнула, поранив пальцы о шипы.

– Осторожнее! У роз, девочка, есть шипы. Красота вынуждена защищаться, – сказал Костя назидательно.

Стелла растерянно смотрела на розы. Впервые ей дарили цветы. И кто? Костя! Но почему же ей так неприятен этот подарок? Впрочем, подарок ли? Ведь он куплен на ее последний рубль. А до зарплаты еще три дня... Значит, ей предстоит ходить в институт пешком и обходиться без обедов.

– Ну ладно. Мне пора. Пойду, порадуя Надежду. Завтра я отосплюсь, а потом засядем за химию. Послезавтра утречком

приходи. Идет? Ты на остановку?

– Знаешь, давай дальше сам. И вот, держи, – Стелла сунула ему в руку ветку с замерзающими розами, – иди, порадуешь Надю, она это больше заслужила.

Стелла повернулась и пошла прочь, оставив Константина в недоумении.

Глядя в оттаявший пяточок трамвайного окна, она вдруг вспомнила, что уже дней десять не видела Валерку. Интересно, куда он делся?

Глава 5. Соловьи в городе

Май 1930 года, Ленинград.

Первая майская гроза налетела, как всегда, неожиданно и застала Стеллу в самом неподходящем месте – посреди Троицкого моста. Укрыться от порывов ветра и струй дождя было совершенно негде. Впрочем, не одна она попала в такую передрыгу – мост был полон людей, возвращавшихся с демонстрации. Чей-то зонт с вывернутыми спицами пронесся над головой девушки и умчался в свободный полет. Она в душе похвалила себя за то, что свой недавно приобретенный зонт забыла дома. Целее будет. Иногда рассеянность оказывается на руку. Пока Стелла добежала до первых домов Каменноостровского проспекта, и ливень, и ветер утихли. Прятаться от последних капель дождя вымокшей насквозь девушке не было смысла, и она продолжила путь, перепрыгивая через пузырящиеся лужи. Выглянувшее очень кстати солнце искрилось в промытых витринах, дробилось сияющими осколками в мокром асфальте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.